

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНТИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПЕРИКЛА

Понтийская экспедиция Перикла – сюжет, достаточно часто затрагивавшийся в той или иной связи в исследованиях по истории Причерноморья классической эпохи. В отечественном антиковедении даже имела место оживленная дискуссия по некоторым вопросам, связанным с этой внешнеполитической акцией Афин¹. Достигнув пика на рубеже 1950–1960-х годов, дебаты затем постепенно сошли на нет, причем, как это обычно бывает, каждый из участников остался при своем мнении. Впрочем, в целом дискуссию нельзя не признать плодотворной. В ее ходе был снят ряд существенных неясностей, что в дальнейшем вызвало некоторое снижение интереса к данной проблематике. При этом, однако, отдельные ее аспекты продолжают рассматриваться и по сей день². Особо следует отметить работы Ю.Г. Виноградова, который в течение последних десятилетий внес, пожалуй, наибольший вклад в разработку проблемы, ввел в научный обиход или по-новому интерпретировал ценнейший источниковый материал³.

Возможно, окажется бесполезным взгляд на рассматриваемый круг вопросов, так сказать, «с другого берега», глазами историка классических Афин. Необходимо сразу отметить, что хотя понтийская экспедиция Перикла упоминается практически во всех трудах, посвященных Афинской архэ, количество специальных работ, трактующих эту тему более или менее детально, на Западе крайне невелико⁴. О факторах, способствующих подобному положению вещей, речь пойдет чуть ниже. Связная, свободная

¹ Перечислим лишь важнейшие работы: *Жебелён С.А.* Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 24, 64–65, 180–195; *Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1952. С. 67–73; *они же.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 66–85; *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.* Т. 2. М., 1954. С. 7–44; *Максимона М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М. – Л., 1956. С. 98–102, 151; *Брашинский И.Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958, № 3. С. 110–121; *он же.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 56–88; *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз // *Материалы по археологии Северного Причерноморья.* Вып. 3. Одесса, 1960. С. 57–100; *Гайдукевич В.Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР.* Вып. 116. 1969. С. 11–19.

² Например: *Васильев А.Н.* К вопросу о событиях 438 г. до н.э. на Боспоре // *Проблемы отечественной истории.* Ч. 2. М. – Л., 1976. С. 154–176; *Скржинская М.В.* Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДИ. 1985. № 2. С. 142–148; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 19, 27–29; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 46–49; *Усачева О.Н., Кошеленко Г.А.* Об одной загадке беспорской историографии // РА. 1994. № 3. С. 65–70; *Масленников А.А.* Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // *Проблемы истории, филологии, культуры.* Вып. 3. Ч. 1. Москва–Магнитогорск, 1996. С. 61–71.

³ *Виноградов Ю.Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Ч. I // ВДИ. 1981. № 2. С. 65–90; *он же.* Западное и Северное Причерноморье в классическую эпоху // *История Европы.* Т. 1. М., 1988. С. 379–381; *он же.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 109–111, 126–134.

⁴ *Duncker M.* Des Perikles Fahrt in den Pontus // *Sitzungber. der Preussischen Akad. der Wiss.* zu Berlin. 1885. Hlbd 2. Ht 27. S. 533–550; *Cloché P.* Périclès et la politique extérieure d'Athènes entre la paix de 446–445 et les préludes de la guerre du Péloponnèse // *L'Antiquité classique.* 1945. 14. P. 93–128; *ATL.* V. 3. Princeton, 1950. P. 114–117; *Oliver J.H.* The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles // *Historia.* 1957. 6. 2. S. 254 f.; *Mattingly H.B.* Periclean Imperialism // *Ancient Society and Institutions.* Oxf., 1966. P. 193–223; *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxf., 1972. P. 197–199, 328–330; *Ferrarese P.* La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino // *Contributi dell'Istituto di storia antica.* Milano, 1974. 2. P. 7–19; *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 31–35; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1981². P. 180 f., 387 ff.

от всякого рода спорных мест реконструкция этого военно-политического мероприятия с максимальной степенью детализации, очевидно, дело будущего. Нам же лишь хотелось бы высказать соображения, которые, может быть, помогут как восстановлению некоторых перипетий хода событий, так и лучшему пониманию самого феномена. Непосредственной целью статьи является попытка установления маршрута экспедиции. Но к этому вопросу нам предстоит вернуться лишь в конце нашего изложения. Вначале же необходимо с надлежащей подробностью остановиться на общем историко-географическом контексте события.

Предварительные источниковедческие замечания. Основной причиной традиционно незначительного внимания западных антиковедов к понтийской экспедиции Перикла, даже можно сказать недооценки ее значения, является, безусловно, более чем неудовлетворительное состояние источниковой базы. Как известно, единственное эксплицированное сообщение об экспедиции содержится у Плутарха (Per. 20). Этот пассаж неоднократно становился предметом анализа и комментариев⁵, что освобождает нас здесь от необходимости подробной его характеристики, позволяя ограничиться несколькими штрихами, впрочем, принципиального характера.

Непредвзятому читателю Плутарха не может не броситься в глаза наличие риторических антитез в указанном месте биографии Перикла. Во-первых, это – типичнейшая для античной риторики вообще дихотомия «эллины – варвары» (ταῖς μὲν Ἑλληνῶσι πόλεσιν... τοῖς δὲ περὶ οὐκοῦσι βαρβάρους ἔθνεσι καὶ βασιλεῦσιν...). Во-вторых, противопоставление военно-политической активности Перикла в Понте и якобы характерной для него благоразумной осторожности и сдержанности по отношению к другим регионам (Египет, Западное Средиземноморье). Нет нужды лишней раз указывать, что последнее утверждение по большому счету не соответствует действительности. Анализ внешней политики Перикла приводит к выводу, что *ceteris paribus* лидер афинского полиса придерживался аналогичного экспансионистского курса на всех направлениях⁶.

Уже отмечалось, и совершенно справедливо, что, в сущности, рассматриваемый пассаж Плутарха представляет собой развернутый риторический топос⁷, характерный, добавим, для второй софистики вообще и для нашего биографа – ее крупнейшего представителя – в частности. Необходимо четко осознать не только сам этот факт, но и всю совокупность его импликаций. Плутарха абсолютно не интересовала понтийская экспедиция как таковая – ее цели, содержание, маршрут и т.п. Для него важен был лишь его герой – в нашем случае Перикл, и соответственно биограф брал из своего источника только то, что ему было нужно для разрабатывавшейся им в данный конкретный момент топики, т.е. даже не весь костяк сюжета, а его отдельные детали⁸. Так, эпизод с Тимесилеем введен в повествование с несомненной целью оттенить антиграничные черты политики Перикла.

Итак, сообщением Плутарха следует пользоваться с большой осторожностью, отнюдь не пытаясь «вчитать» в него какую бы то ни было информацию сверх того скудного набора фактов, который в этом сообщении содержится (имеются в виду сам факт экспедиции и акция в Синопе). Весь остальной текст свидетельства – не более чем риторическое обрамление, на которое невозможно опереться при попытке сколь-нибудь ответственных выводов. Но, с другой стороны, следует учитывать и то, что источник, использовавшийся Плутархом, несомненно трактовал сюжет значительно подробнее. В связи с этим нельзя, скажем, заведомо отрицать посещение афинским флотом северных берегов Понта только на основании того, что у Плутарха об этом ничего не говорится. Обычная слабость аргумента *e silentio* здесь усугубляется отмеченным выше принципиально отрывочным характером повествования Плутарха.

⁵ Последний пример: *Stadler P. A Commentary on Plutarch's Pericles. L., 1989. P. 217 f.*

⁶ *Ferrarese. Op. cit. P. 17.*

⁷ *Stadler. Op. cit. P. 217: «a rhetorical elaboration of the Sinope affair».*

⁸ См. к этому знаменитую характеристику метода Плутарха, данную им самим (Alex. 1).

Установление источника, из которого черпал биограф, имело бы немалое значение для общего подхода к рассматриваемой проблеме. Думается, дело здесь обстоит все-таки не столь безнадежно, как считал И.Б. Брашинский, отрицавший возможность определения этого источника⁹. Разумеется, любая такая попытка может быть принята лишь на уровне гипотезы, но ведь и гипотезы бывают разной степени вероятности. Во всяком случае, круг предлагавшихся «кандидатур» ограничивается крупными историками IV в. до н.э., что само по себе делает ценность свидетельства Плутарха весьма высокой. Говоря более конкретно, вопрос фактически стоит так: Эфор или Феопомп? При этом какой-либо решающий аргумент в пользу Эфора нам неизвестен; в то же время есть серьезный аргумент contra: это – полное отсутствие упоминаний о понтийской экспедиции у Диодора, который подробно излагает историю этих лет, опираясь, как давно установлено, именно на Эфора.

В пользу же Феопомпа, напротив, говорит одно существенное обстоятельство: достоверно известно, что этот историк в каком-то из своих сочинений упоминал об экспедиции (FGrHist 115 F389). Против признания Феопомпа источником Плутарха еще М. Дункер¹⁰ выдвигал соображение о невозможности увязать антиафинский пафос трудов Феопомпа с тем ярко выраженным прославлением Перикла, который являет собой анализируемый отрывок (Plut. Per. 20). Однако здесь, как уже говорилось выше, следует отделять фактологию (возможно, действительно взятую Плутархом у Феопомпа) от апологетической риторики, привнесенной в изложение самим биографом. Кажется, ничто не мешает нам признать Феопомпа наиболее вероятным автором экскурса о понтийской экспедиции, впрочем, ни в коей мере не настаивая на этом предположении. В конечном счете, как бы ни решался вопрос об источнике Плутарха, ясно, что источник этот серьезен и авторитетен.

Остальные свидетельства об экспедиции имеют косвенный характер. В настоящее время практически никто не сомневается в том, что упоминания ряда античных авторов (Strabo. XII. 547; Plut. Luc. 19,7; App. Mithr. 83) о колонизации афинянами Амиса следует связывать именно с этой акцией. Не исключено, что все эти упоминания восходят к Феопомпу (F 389); Страбон прямо ссылается на него¹¹.

Весь перечисленный выше материал освещает действия эскадры Перикла у южных берегов Понта. Еще более скудны источники в которых отразилось бы ее пребывание в Северном Причерноморье. Здесь перед нами исключительно косвенные данные, что в прошлом не раз давало повод для скептического отношения к этому сюжету как таковому¹². Впрочем, появление за последнее время новой, зачастую неожиданной информации приводит к постепенному изживанию скептицизма. На некоторых нюансах этой информации нам придется с большей детализацией остановиться в соответствующем месте.

Вопрос, которого следует коснуться особо, – молчание Фукидида о понтийской экспедиции Перикла. В свое время И.Б. Брашинский сделал даже вывод, что это молчание свидетельствует о малом, локальном значении всего мероприятия: «В книге I труда Фукидида (гл. 85–118) сообщаются все важнейшие события жизни Афин в период так называемого пятидесятилетия... все сколько-нибудь важные внешнеполитические мероприятия афинян»¹³. Однако это высказывание по меньшей мере слишком категорично. Фукидид отнюдь не задавался целью описать все важнейшие события Пентеконтаэтии. Достаточно назвать лишь несколько фактов, о которых этот историк тоже умалчивает. Среди них – перенос казны Делосского союза на афинский акрополь (454 г.), Каллиев мир с Персией (449 г.), попытка созыва панэллинского конгресса в Афинах (448 г.), остракизм Фукидида, сына Мелесия (444 или 443 г.),

⁹ Брашинский. Афины... С. 57; ср. Виноградов. Синопа... С. 66.

¹⁰ Düncker. Op. cit. S. 534.

¹¹ В рамках данной статьи мы не можем подробно коснуться проблемы афинской колонизации Амиса при Перikle. Этот вопрос будет рассмотрен нами в специальной статье.

¹² В наибольшей степени подобный скептицизм проявился в серии работ И.Б. Брашинского (см. прим. 1).

¹³ Брашинский. Афины... С. 57.

основание Фурий (443 г.)... Список можно было бы продолжить. Сомневается ли кто-нибудь, что все это – события первостепенной важности как минимум для Афин?

Более взвешенным представляется мнение П.О. Карышковского¹⁴, согласно которому Фукидид останавливается лишь на фактах, имевших отношение к развязыванию Пелопоннесской войны. Впрочем, и здесь нельзя обойтись без оговорок. Даже на таких основополагающих для предпосылок войны вопросах, как Тридцатилетний мир или мегарский инцидент, автор «Истории» останавливается лишь вскользь, мимоходом, оставляя в изложении немало неясностей, недоговоренностей. Справедливо отмечалось, что Фукидид порой бесполезен для установления точной хронологии Пентеконтаэтии, что он в высшей степени выборочно подходит к материалу, многое просто игнорируя, что его молчание никогда не может расцениваться как весомый аргумент¹⁵.

Замечено также, что у самого Фукидида в передаче им речей Перикла есть несколько мест (II.40.4–5 и особенно II.62.2), удивительно перекликающихся с рассказом Плутарха о понтийской экспедиции¹⁶. Эти места имплицитно свидетельствуют о том, что историк знал об этой внешнеполитической акции и осознавал ее значение. Причина, по которой он отказался об упоминании о ней в своем описании Пентеконтаэтии, неизвестна, но такой причиной ни в коей мере не могли быть малые масштабы экспедиции. Напротив, последняя, судя по всему, замышлялась как весьма значительное мероприятие; не случайно, думается, сам Перикл принял на себя командование¹⁷. Как известно, афинский «олимпиец», сознавая свой реальный вес в политической жизни родного полиса, никогда не разменивался на «мелочи», предпочитая решать все проблемы, не относящиеся к числу особенно значительных, чужими руками (Plut. Mor. 812 d).

Единственная известная нам попытка совершенно отрицать историчность понтийской экспедиции и считать ее пропагандистской фабрикацией IV в. до н.э. принадлежит итальянской исследовательнице П. Феррарезе¹⁸. Помимо разобранного нами выше молчания Фукидида она опирается также на отсутствие упоминаний об экспедиции у современных Периклу драматургов. Странно было бы, однако, если бы в дошедших до нас трагедиях (писавшихся в послеэсхилловскую эпоху исключительно на мифологическом материале) появилась вдруг прямая аллюзия на такого рода акцию. А в то же время, как недавно подметила М.В. Скржинская¹⁹, в драматургии второй половины V в., особенно у Софокла, наблюдается несомненное повышение интереса к понтийской тематике. Это, конечно, не случайно, и аргумент Феррарезе, таким образом, оборачивается против нее самой.

Более серьезный довод связан с Ксенофонтом, в «Анабасисе» (IV.8.22; V.3.2; V.5.3; V.5.7 sqq.; V.6.10 sqq.; VI.1.15) неоднократно говорящим о Синопе, но нигде не упоминающим афинских клерухов в ней²⁰. Конечно, Ксенофонт писал не перипл, а мемуары. И все же казалось бы уместным по меньшей мере при указании на то, что синопцы – милетские колонисты (Anab. VI.1.15), упомянуть и об афинских поселенцах. Однако ко времени похода «десяти тысяч» ситуация в Синопе могла измениться; можно даже попытаться определить, когда и при каких обстоятельствах это случилось.

¹⁴ Карышковский. Ук. соч.

¹⁵ В наиболее заостренной форме см.: Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993. P. 27 f., 59.

¹⁶ Mattingly. Op. cit. P. 194 f.

¹⁷ Карышковский. Ук. соч. С. 77.

¹⁸ Ferrarese. Op. cit. Passim.

¹⁹ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.

С. 118.

²⁰ Мы считаем афинских поселенцев в Синопе клерухами, исходя из критериев различения клерухий и колоний, выдвинутых П. Брантом (Brunt P.A. Athenian Settlements Abroad in the Fifth Century B.C. // Ancient Society and Institutions. Oxf. 1966. P. 78).

После поражения афинян при Эгоспотамах (405 г. до н.э.) спартанский наварх Лисандр приступил к систематической ликвидации афинских колоний и клерухий, отправляя всех проживавших там афинян в их родной город, дабы создать там трудности со снабжением (Plut. Lys. 13; ср. Xen. Hell. II.2.2)²¹. Впоследствии одним из условий договора о капитуляции Афин был уход афинян «из всех городов» (Plut. Lys. 14), что следует понимать как официальное уничтожение афинских поселений за пределами Аттики. Очевидно, в этой обстановке прекратила существования и клерухия в Синопе, хотя, конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что флот Лисандра заходил так далеко на восток. Во всяком случае, расположенный еще восточнее Амис афинскую колонию удержал.

Отметим, наконец, что против предположения Феррарезе о фиктивности понтийской экспедиции Перикла говорит эпиграфический материал из Северного Причерноморья, в частности опубликованная Ю.Г. Виноградовым²² уже после выхода ее статьи ольвийская надпись в честь изгнанного афинянами синопского тирана Тимесилея. После появления этого источника любые сомнения в историчности описанных Плутархом событий, если они и были, должны безусловно отпасть.

Обстановка в Средиземноморье и политика Афин. По вопросу о датировке понтийской экспедиции в историографии существует довольно широкий разброс мнений²³. Однако по целому ряду оснований наиболее приемлемы, вне всякого сомнения, 437–436 годы до н.э. Здесь нам остается только присоединиться к датировке, уже предлагавшейся многими авторитетными специалистами (в том числе П.О. Карышковским и Ю.Г. Виноградовым). Кстати, именно тогда афиняне начинают активно осваивать и регионы Северной Эгеиды; к этому времени относится колонизация Амфиополя, Брен, Астака.

Интерес афинян к понтийскому региону проявился уже в весьма раннюю эпоху. Еще в конце VII в. до н.э. они пытались укрепиться у входа в Геллеспонт, колонизовав Сигей (Herod. V. 94–95; Strabo. XIII. 599–600; Diog. Laert. I. 74)²⁴. Понятно, что Геллеспонт был нужен Афинам не сам по себе, а как преддверие Понта. Однако, как известно, особенно высокой степени афинские устремления в эти далекие северные области, афинские экономические, культурные, политические связи с ними достигли лишь со второй половины V в. до н.э.²⁵ Это было обусловлено рядом обстоятельств; на некоторых из них необходимо вкратце остановиться.

Из источников хорошо известно, насколько остро стояла проблема привозного хлеба в Афинах IV в. до н.э. (в этот период удовлетворявшаяся почти исключительно за счет боспорского зерна). Хотя для V в. источниковых данных такого рода значительно меньше, нет сомнений, что и в «Периклов век» потребность афинского демоса в этом основном продукте питания была, во всяком случае, не менее острой. Действительно, в V в., до опустошений Пелопоннесской войны, население Аттики было бесспорно больше, чем в следующем столетии (хотя, может быть, и не в такой степени, как это принято считать²⁶). В то же время по настоящему высокоразвитая инфраструктура

²¹ Касаткина Н.А. Афинское поселение на Самосе в IV в. до н.э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 148.

²² Виноградов. Синопа...

²³ Сводку основных точек зрения см. Bayer E., Heideking J. Die Chronologie des perikleischen Zeitalters. Darmstadt, 1975. S. 168 f.

²⁴ Ehrenberg V. Polis und Imperium. Zürich, 1965. S. 222; Jeffery L.H. Archaic Greece. L., 1978. P. 89 f.; Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 135 сл. Странным образом этот факт не принимается во внимание И.Б. Брашинский (Афины... С. 11–34), относя начало афинского интереса к Причерноморью к началу VI в. до н.э.

²⁵ Bouzek J. Five Notes on the Pontic Relations with Greece during the Archaic and Classical Times // Причерноморье VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 464 сл.

²⁶ Порой постулируется чрезмерно большое падение численности населения в годы Пелопоннесской войны; см. Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. Croom Helm, 1986. P. 70–86. Для более взвешенной оценки см. Hansen M.H. The Athenian Ecclesia II. Copenhagen, 1989. P. 91.

аттической хоры, позволявшая получать более высокие урожаи «дома», начала создаваться лишь на рубеже V–IV вв.²⁷

Положение усугублялось тем, что «хлебные пути» для Афин еще не определились, не стали стабильными. После превращения Афин в первостатейную морскую державу, создания Делосского союза и вытеснения персов из Эгеиды город Паллады оказывался перед выбором, какой из трех крупнейших регионов – производителей зерна (Египет, Великая Греция, Северное Причерноморье) сделать своей основной продовольственной базой. Для этого, в сущности, не обязательно было прочно утвердиться в самих этих регионах; достаточно было держать под своим контролем торговые маршруты²⁸.

Первоначально афиняне, насколько можно судить, склонялись к Египту, прибегая для усиления своих позиций там к мерам военного характера. Однако после тщетной попытки закрепиться в дельте Нила в 459–454 годах эти планы пришлось оставить; после заключения Каллиева мира Египет как потенциальная зона афинского влияния был отрезан и формально. В 440-х годах афиняне уже не пытались вмешаться в египетские дела, даже если такая возможность представлялась (Plut. Per. 37.4).

После неудачи на египетском направлении Афины (в этот период уже несомненно руководимые Периклом) начинают с нарастающей активностью обращаться на запад, к плодородным землям Южной Италии и Сицилии. Создается впечатление, что первые попытки проникновения туда относятся ко времени непосредственно после египетской катастрофы. Однако мы воздержимся здесь от суждений по некоторым дискуссионным вопросам, в частности, по вопросу о договоре Афин с сицилийской Сегестой, датированном различными исследователями от 458/7 до 418/7 г.²⁹ (по нашему мнению, традиционная дата – 454/453 год – остается наиболее приемлемой³⁰). Не будем касаться и традиции о римском посольстве в Афины, имевшем место будто бы как раз в это же время (Liv. III.31.8)³¹.

Во всяком случае, остается несомненным, что ближайшие годы после заключения Тридцатилетнего мира стали временем чрезвычайно активной западной политики Афин. Разрозненные факты, будучи связаны воедино, дают достаточно стройную картину. Подавляющее большинство исследователей относит к 440-м годам заключение союза Афин с Регием и Леонтинами³². Вероятно, примерно к тому же времени относятся также союзы с Метапонтом и италийским племенем мессапиев³³. Есть все

²⁷ Lohmann H. Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v. Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1955. S. 515–548; Суриков И.Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 243 сл.

²⁸ French A. The Growth of the Athenian Economy. L., 1964. P. 113.

²⁹ Ввиду плохой сохранности надписи (от имени архонта сохранилось только *-ων* и все попытки идентифицировать еще какие-нибудь буквы нельзя признать убедительными) выбор между 458/7 и 454/3 гг. по эпиграфическим критериям сделать невозможно: Meiggs. Op. cit. P. 100 f.; Sartori F. Verfassungen und Soziale Klassen in den Griechenstädten Unteritaliens seit der Vorherrschaft Krotons bis zur Mitte des 4. Jahrhunderts v.u.Z. // Hellenische Poleis. Bd 2. В., 1974. S. 728; Kagan. Op. cit. P. 154. В качестве исторического контекста период временного ослабления Афин больше подходит для союза с захолустной Сегестой (несомненно, по инициативе последней). Гордые Афины, в 458/7 г., находясь на вершине своего могущества, вряд ли обратили бы на сицилийский городок какое-либо внимание. Временем Пелопоннеской войны датирует договор Г. Маттингли (Mattingly H.B. The Growth of Athenian Imperialism // Historia. 1963. 12. 3. S. 269), но его аргументы признаются неубедительными (Meiggs. Op. cit. P. 599).

³⁰ См. Hackforth R. Sicily // CAH. V. 5. 1927. P. 159; Milner F. Perikles // RE. Hlbd 37. 1937. Sp. 775; Will E. Le monde grec et l'Orient. T. 1. P., 1972. P. 154 f.

³¹ Это посольство чаще признается поздней литературной фикцией: Ruschenbusch E. Die Zwölfstafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // Historia. 1963. 12. 2. S. 250–253.

³² Hackforth. Op. cit. P. 162; Cloché. Op. cit. P. 96; Ehrenberg. Op. cit. S. 303; Meiggs. Op. cit. P. 138; Wick T.E. Athens' Alliances with Rhegion and Leontinoi // Historia. 1976. 25. 3. S. 288–304; Berger S. Great and Small Poleis in Sicily: Syracuse and Leontinoi // Historia. 1991. 40. 2. S. 135 f.; Строецкий В.М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 67.

³³ Thuc. VII.33.4–5. Cp. Wick. Op. cit. P. 297.

основания датировать 440-ми годами экспедицию афинян под командованием Диотима в далекий Неаполь (Timaues FGrHist 566 F98). В этот период афинское присутствие как в Неаполе, так и в зоне Мессинского пролива подтверждается нумизматическими данными³⁴.

Вершиной экспансии Афин в Великой Греции стало, как известно, основание Фурий. Но оно же оказалось и «началом конца». Судя по всему, афинянами были допущены какие-то стратегические просчеты при проведении этой акции. Возможно, они переоценили степень своего потенциального влияния в этой панэллинской колонии. Сыграла свою роль и пришедшая на эти годы внутренняя борьба между Периклом и Фукидидом, сыном Мелесия, в ходе которой возникли разногласия по вопросу о статусе Фурий. Как бы то ни было, очень скоро, вероятно, уже к 440 г. афиняне утратили свой контроль над фурийскими делами³⁵.

В целом Периклова политика в Сицилии и Италии не принесла ожидаемых результатов и была к началу 430-х годов фактически свернута. Этому способствовали и активное противодействие Пелопоннесского союза, и неоднозначное отношение к афинской экспансии в самих великогреческих полисах. Разумеется, Афины не отрелись окончательно от своих западных притязаний. Но от попыток установить контроль над морскими путями на этом направлении пришлось отказаться вплоть до конца 430-х годов.

В этой ситуации, когда и египетский, и западногреческий хлебные рынки оказались для афинян труднодоступны, последние и обратились к третьему потенциальному источнику снабжения зерном – Северному Причерноморью. Таковы общие историко-географический и политико-экономический контексты понтийской экспедиции Перикла. Следует подчеркнуть в данной связи два момента. Во-первых, коль скоро экспедиция была непосредственно связана с решением хлебной проблемы, ее основную цель следует искать на северном берегу Понта: гористые побережья Южного Причерноморья никогда не были серьезным источником зерна. Во-вторых, речь шла не столько о полном доминировании Афин в понтийском регионе, сколько об обеспечении прочного контроля над морскими путями оттуда. Последнее стало особенно актуальным после того, как к самосскому восстанию присоединился Византий. Необходимо было искать точки опоры в самом Понте.

Говоря об общей ситуации в средиземноморском мире в моменту понтийской экспедиции Перикла, нельзя не коснуться вопроса о Каллиевом мире. По мнению ряда исследователей, экспедиция (если она действительно имела место в 430-е годы) должна была противоречить условиям этого договора, стать его грубым нарушением³⁶. Так ли это в действительности? Попытаемся показать, что противоречие здесь кажущееся. Не будем касаться сложнейшей проблемы историчности Каллиева мира, которой посвящено огромное количество специальных работ³⁷. Примем его как действительное событие, имевшее место в 449 г. до н.э.

Кианей, скалы у входа в Понт, равно как и Хелидонеи и Фаселида на юге, не были по условиям мира, вопреки распространенному мнению, некой морской «границей» между Афинской архэ и Ахеменидской державой. Во всех сообщениях источников о Каллиевом мире говорится только, что *персидские* суда не имели права заходить дальше этих пунктов. На афинян никаких ограничений подобного рода не налагалось³⁸. Никакие формальные статьи договора не препятствовали им, в частности, входить на судах в Понт. Более того, по данным списков фороса известно, что некоторые греческие города южного побережья Малой Азии, расположенные значительно восточнее Фаселиды (Аспенд в Памфилии, Келендериды в Киликии и др.), продолжали

³⁴ Kraay C.M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley, 1976. P. 187, 219.

³⁵ *Строгецкий*. Ук. соч. С. 76; Ghinatti F. *Einige Spezialprobleme der Landwirtschaft in Magna Graecia // Hellenische Poleis*. Bd 2. В., 1974. S. 801; Sartori. *Op. cit.* S. 745.

³⁶ ATL. V. 3. P. 114–117; Oliver. *Op. cit.*

³⁷ Наиболее подробно вопрос рассмотрен: Badian. *Op. cit.* P. 1–72.

³⁸ Meiggs. *Op. cit.* P. 147.

входить в Архэ уже после Каллиева мира и вносить положенную подать³⁹. Ничто, таким образом, не препятствовало тому, чтобы в аналогичном положении оказались и какие-то города северного малоазийского побережья.

Этот регион вряд ли находился в центре внимания персидской стороны при заключении мира. Ахемениды не имели флота в Понте и, судя по всему, фактически не контролировали его прибрежную зону⁴⁰. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что понтийская экспедиция не противоречила, во всяком случае, букве Каллиева мира⁴¹. Противоречила ли она его «духу» – сказать сложно. Впрочем, нельзя считать, что обеими сторонами проявлялась щепетильная приверженность к строгому соблюдению условий мира. Так, в период самосского восстания сардский сатран Писсуфн открыто вмешался в события на стороне Самоса (Thuc. I.115.4–5). Нужно ли говорить, что и это по меньшей мере противоречило «духу» мирного договора? Д. Кэгсн даже считает (впрочем, без достаточных оснований) понтийскую экспедицию Перикла ответом на демарш Писсуфна с целью поставить персов на место⁴². Итак, проблема Каллиева мира, строго говоря, не имеет прямого отношения к рассматриваемой нами акции афинян.

Перикл в Южном Причерноморье. Перейдем теперь с учетом всего вышесказанного о целях и контексте экспедиции к попытке определения ее маршрута. Проанализируем возможность посещения афинским флотом ряда значительных пунктов понтийского региона.

В источниках нет никаких сведений о посещении эскадрой Перикла первого крупного города по правому берегу Понта – Гераклеи⁴³. Позже, в 425/24 г. Гераклея бесспорно зафиксирована в списках фороса как член Архэ. Конечно, она могла попасть в союз и при каких-то других обстоятельствах, как до, так и после середины 430-х годов. Здесь открывается широкое поле для догадок. Однако несомненно одно: как бы Перикл ни шел по Понту, миновать Гераклею он не мог (хотя в число главных целей экспедиции утверждение афинян в этом полисе вряд ли входило).

Синопа – единственный понтийский полис, пребывание в котором афинского флота прямо отмечено источником (Plut. Per. 20.1–2). Перикл оставил (ἀπέλιπε) в помощь синопам 13 кораблей и отряд воинов во главе с Ламахом для борьбы против тирана Тимесилея. Когда же тиран был изгнан, лидер афинского полиса лично провел через народное собрание псефисму о выведении в Синопу клерухии. Таким образом, к моменту падения Тимесилея Перикл уже находился в Афинах. Затянулась ли борьба в Синопе надолго? Или основной флот сразу после посещения этого города вернулся на родину? Оставим пока этот вопрос открытым.

Причина афинской заинтересованности в Синопе вполне понятна. Синопа, занимая важное стратегическое положение, контролировала кратчайший путь через Понт (Карамбис–Бараний Лоб). Сомневаться в существовании кратких морских путей через Черное море уже к 430-м годам н.э. нет никаких оснований. Высказывавшееся М.И. Максимовой мнение о возникновении таких путей не ранее рубежа V–IV вв.⁴⁴ было впоследствии подвергнуто справедливой критике⁴⁵. Неубедительно прочтение Максимовой пассажа Геродота (IV.99), из которого будто бы следует, что «отец истории» не знал истинных очертаний Крыма. Но даже если это и так, если Геродот, – мягко говоря, несчастый гость в этих местах, к тому же, судя по всему, никогда не

³⁹ Ibid. P. 329–330; *Kraay*. Op. cit. P. 276.

⁴⁰ *Badian*. Op. cit. P. 36.

⁴¹ *Meiggs*. Op. cit. P. 330.

⁴² *Kagan*. Op. cit. P. 389.

⁴³ *Сапрыкин*. Ук. соч. С. 47.

⁴⁴ *Максимона М.И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.* Т. 2. М., 1954. С. 45–57; *она же.* Античные города... С. 145–168.

⁴⁵ *Гайдукевич*. Ук. соч.: *Агбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 55 сл.; *Виноградов*. Политическая история... С. 132.

бывавший в Крыму, – не имел правильного представления о форме этого полуострова, из этого никоим образом не следует, что такого представления не имели сами понтийские мореходы. Даже если допустить, что еще не было точных карт и лоций Черного моря, и это не может быть аргументом. Во II тыс. до н.э. ахейские мореплаватели освоили морские пути во всем Восточном и части Западного Средиземноморья⁴⁶, при этом уж точно не имея никаких карт и лоций.

Во второй половине V в. до н.э., а возможно – и раньше, существовали, как минимум, два кратких пути через Понт. Первый из них (Карамбис–Бараний Лоб) нами уже упоминался. По этому пути, вне всякого сомнения, в 422/21 г. отправилась гераклейская колонизационная экспедиция в Херсонес⁴⁷. Первая колонизация Херсонеса в конце VI в. до н.э. (накопленный на сегодняшний день материал позволяет считать эту акцию уже твердо установленным фактом⁴⁸) также, судя по всему, осуществлялась по краткому пути: иной вариант просто трудно представить.

Наличие второго краткого пути (Фемискира–Синдика), известного уже Геродоту (IV.86), аргументированно доказал В.Ф. Гайдукевич⁴⁹. Данный путь был длиннее первого; именно в этом смысле следует понимать слова Геродота: «Здесь самое широкое место Понта». В действительности самое широкое место Понта, конечно, находится в его западной части, но по этому региону черноморской акватории Геродот не имел цифровых данных, поскольку никаких поперечных путей там не было.

Итак, совершенно очевидна причина афинской заинтересованности в Синопе. Что же касается вопроса о целях овладения отнюдь не столь значительным Амисом, то от него начиналась единственная в Южном Причерноморье относительно удобная сухопутная дорога во внутренние области Анатолии⁵⁰. Кроме того, из Амиса легко было держать под контролем второй краткий морской путь на Синдику.

У берегов Северного Понта. Как ни странно, и по сей день в работах ряда авторитетных исследователей прослеживается скептицизм в отношении посещения флотом Перикла Северного Причерноморья⁵¹. Ввиду того, что количество материала, позволяющего решить этот вопрос положительно, продолжает возрастать, резонно поставить другой вопрос: что же мешает признать факт такого посещения? Здесь следует указать прежде всего на влияние резко отрицательной позиции по этому поводу И.Б. Брашинского. Аргументация его в работах на рубеже 1950–1960-х годов казалась многим весьма убедительной, почти неопровержимой. Но теперь ясно, что ряд его выводов зиждется на ошибочных посылах; о некоторых из них уже было сказано. Так, мы видели, что отсутствие упоминаний в нарративной традиции о действиях афинской флотилии у северопонтийских берегов не может служить убедительным аргументом; предположение об отсутствии в эту эпоху кратких путей через Понт оказалось просто неверным. Не убеждает и довод, согласно которому Перикл не мог позволить себе надолго отлучиться из Афин (а заход на север несомненно потребовал бы значительного времени⁵²). Незадолго до описываемых событий он, как известно, лично руководил девятимесячной (!) осадой Самоса (Thuc. I. 117. 3; Plut. Per. 27–28).

Прекрасно подготовленная и пышно оснащенная экспедиция крупной афинской эскадры в Понт не могла иметь своей целью лишь Синопу и Амис. Более того, *именно*

⁴⁶ Бартошек А. Златообильные Микены. М., 1991. С. 171–180.

⁴⁷ Сапрыкин. Ук. соч. С. 55.

⁴⁸ Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С. 19–21; Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Vinogradov J.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 397–419.

⁴⁹ Гайдукевич. Ук. соч. С. 16 сл.

⁵⁰ Максимова. Античные города... С. 14.

⁵¹ Шелов Д.Б. История // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 13; Строгачевский В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 166; Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Развитие межполисных отношений в античном Причерноморье в VI–I вв. до н.э. // Античный полис. СПб., 1995. С. 107 сл.

⁵² Брашинский. Афины... С. 64.

северопонтийская направленность ее почти несомненна ввиду рассматривавшихся выше общих особенностей афинской политики на данном этапе⁵³.

Не может не броситься в глаза, что наиболее вероятная дата экспедиции практически совпадает с переворотом и сменой династий на Боспоре⁵⁴. В какой последовательности разворачивались эти два события? В отечественной историографии (исключая исследователей, не усматривающих связи между экспедицией и сменой династии⁵⁵) преобладает мнение, согласно которому первая предшествовала второй⁵⁶. Являлся ли Спарток ставленником Афин или, напротив, их противником, вынесенным к власти волной реакции на афинскую экспансию? В западной литературе, напротив, чаще утверждается, что смена династий произошла раньше и экспедиция Перикла, таким образом, была ее следствием⁵⁷.

Эта последняя точка зрения представляется нам более вероятной. Действительно, Археанактиды, правившие Боспором до 438/37 г., были – независимо от того, милетский это род или лесбосский, – выходцами из одного из полисов Афинской архэ. Трудно представить, чтобы афиняне, свергнув эту дружественную по своим корням династию, поставили во главе стратегически важного для них государства совершенно неизвестного человека, к тому же, похоже, даже и не эллина. А для того, чтобы видеть в перевороте реакцию на экспедицию Перикла, приходится постулировать враждебность, наступившую с этого времени между Афинами и Боспором. Убедительных же фактов, говорящих о такой враждебности, так и не удалось найти, хотя попытки такого рода предпринимались⁵⁸.

Логичнее предположить, что именно смена династий стала одной из причин понтийской экспедиции Перикла, все более активно интересовавшегося Боспором. После переворота афинский флот просто не мог не прибыть к боспорским берегам. Необходимо было, во-первых, разведать, какого рода власть установилась в Пантикапее, насколько она намерена поддерживать дружественные отношения с Афинами; во-вторых, устроить демонстрацию силы перед новым боспорским правителем с целью предостеречь его от потенциальных антиафинских демаршей; в-третьих, заручиться по возможности гарантиями стабильности, установив, например, афинский контроль над какими-то пунктами на подступах к Боспору.

Последнее неизбежно выводит нас на вопрос о Нимфее, активно дискутировавшийся в исследовательской литературе. Последний раз по этому сюжету достаточно подробно высказался Ф.В. Шелов-Коведяев⁵⁹, кажется, расставивший точки над *i* и убедительно показавший реальность существования афинской базы в этом городе. Проблема Нимфея обычно обсуждается в свете имеющихся сведений о Гилоне – деде по матери оратора Демосфена. Напомним, что, по сведениям Эсхина (III. 171–172), Гилон, предав (пробойс) врагам Нимфей, был обвинен в измене, приговорен в Афинах к казни и бежал к Спартокидам (ср. Plut. Dem. 4,1: ἐπ' αἰτία πρобоσίας φεύγοντος ἐξ ἄστεος; Liban. Hypoth. Demosth. 2: φυγόντος μὲν ἐξ Ἀθηῶν ἐπὶ πρобоσίας

⁵³ См. Гайдукевич. Ук. соч. С. 18.

⁵⁴ Как считает Ю.Г. Виноградов, нет оснований сомневаться в том, что Спартокиды пришли к власти насильственным путем (Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 418). Однако Т.В. Блаватская отрицает факт переворота (Очерки политической истории... С. 45).

⁵⁵ Брагинский. Понтийская экспедиция... С. 120; он же. Афины... С. 68; Васильев. Ук. соч. С. 162.

⁵⁶ Калистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 218; Блаватский. Ук. соч. С. 44; Анохин. Ук. соч. С. 27.

⁵⁷ Adcock F.E. The Breakdown of the Thirty Years Peace, 445–431 B.C. // CAH. V. 5. 1927. P. 174; Michell H. The Economics of Ancient Greece. Cambr., 1940. P. 266; Cloché. Op. cit. P. 118 f.; Meiggs. Op. cit. P. 198; Kagan. Op. Cit. P. 181; Stadter. Op. cit. P. 217.

⁵⁸ Блаватский. Ук. соч. С. 43 сл.; Блаватская Т.В. К вопросу о боспоро-афинских отношениях во второй половине V в. до н.э. // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 195–204; она же. Очерки политической истории... С. 55 сл.; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР (1984 год). М., 1985. С. 107; Скржинская. Древнегреческий фольклор... С. 149.

⁵⁹ Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 106–114 (с историографией вопроса).

ἐγκλήματι), сам же Демосфен (XXVIII, 1–3) говорит, что Гилон являлся лишь государственным должником, т.е. очевидно, был приговорен к штрафу⁶⁰.

Попытаемся согласовать данные Эскина и Демосфена, не подрывая сверх меры доверия ни к тому, ни к другому. Следует установить, какую конкретно должность занимал Гилон. Ранее его считали то официальным афинским представителем в Нимфее, комендантом, возможно, командиром гарнизона⁶¹, то уполномоченным по хлебной торговле с Боспором, лишь имевшим в Нимфее свою резиденцию⁶². Но, кажется, возможно говорить о еще одной его возможной роли. Проиллюстрируем ее двумя примерами из афинской истории того же времени.

В 424/23 г. до н.э. стратег Фукидид (будущий историк) получил задание воспрепятствовать с эскадрой кораблей занятию Амфиполя спартанским войском Брасида. Фукидид не справился с этой задачей, в результате чего был обвинен в измене (Аноупт. Vita Thuc. 8: ἀτίαν ἔσχεν πρόβοσας) и изгнан из Афин. В 410/09 г. до н.э. стратег Анит получил аналогичное задание – воспрепятствовать с эскадрой кораблей занятию спартанцами Пилоса. И он потерпел неудачу, в результате чего был опять же обвинен в измене (Diod. XIII. 64.6: κατατίασαίμενος αὐτοῦ πρόβοσας; Plut. Cōiōl. 14: πρόβοσας περὶ Πύλου κρινόμενος), но, подкупив суд, сумел добиться оправдания; в противном случае ему, очевидно, тоже грозили бы изгнание или смерть. Отметим полное совпадение лексики в случае с Гилоном. Πρόβοσα в понятии афинян, как видим, не обязательно должна была ассоциироваться с умышленной изменой. Во всех рассмотренных случаях это, в сущности, халатность, повлекшая утрату того или иного пункта. Можно по аналогии выдвинуть предположение, что и Гилон был афинским стратегом, отправленным в конце Пелопоннесской войны с эскадрой для удержания Нимфея, но не справившимся с этой задачей и, как следствие, обвиненным в измене и бежавшим или изгнанным.

Чрезвычайно тяжелые для афинян последние годы V в. до н.э. ознаменовались целой серией амнистий. Первая из них имела место в 405 г., еще до капитуляции Афин (Andoc. I. 73 sqq.). Далее, возвращение изгнанников было одним из пунктов мирного договора со Спартой в 404 г. (Xen. Hell. II. 2.20; Plut. Lys. 14). Наконец, в 403 г., после свержения Тридцати тиранов была объявлена общая амнистия, не распространявшаяся лишь на лидеров олигархии (Andoc. I.90; Xen. Hell. II. 4.43; Arist. Ath. pol. 39.6). После всех этих амнистий на родину смогли вернуться и Фукидид, и Андокид, и ряд других видных афинян. Очевидно, тогда же восстановил свои гражданские права и Гилон, но в Афины предпочел не возвращаться и остался на Боспоре, где, как известно, владел городом. Таким образом, в речи Эскина налицо не искажение фактов, а умышленное умолчание. Получает объяснение и выдача замуж Гилоном своих дочерей за афинян без допущения неизвестной из источников афино-боспорской эпигамии⁶³. Что же касается штрафа Гилона, невозможно определить, когда и при каких обстоятельствах он был заслужен, но сомневаться в его наличии не приходится, коль скоро это признает сам Демосфен.

Строго говоря, проблема Гилона не имеет принципиального значения для решения вопроса о Нимфее. Даже если допустить, что Эскин выдумал с начала до конца всю историю с дедом Демосфена, сам факт афинского присутствия в Нимфее, кстати, зафиксированный также Кратером (ар. Нагросг. s.v. Νίμφαιον), оратор, конечно, не

⁶⁰ Вопреки мнению Ф.В. Шелова-Коведяева (ук. соч., с. 109), в Dem. XXVIII. 1–3 речь идет именно о Гилоне, и он даже назван по имени.

⁶¹ *Каллистов Д.П.* Измена Гилона // ВДИ. 1950. № 1. С. 27–36; *Шелов-Коведяев.* Ук. соч. С. 113 сл. Нельзя априорно предположить наличие афинского гарнизона в Нимфее. Такие гарнизоны стояли лишь в очень немногих, наиболее важных пунктах Архэ (*Кондратюк М.В.* Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 362).

⁶² *Жебелёв.* Ук. соч. С. 180–195; *Брашинский И.Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 148–161.

⁶³ О гипотетической эпигамии см. *Жебелёв.* Ук. соч. С. 192.

мог «изобрести»⁶⁴. Афиняне очень хорошо и очень долго помнили, какой город в прошлом принадлежал им, а какой – нет. Так, еще в I в. до н.э. в Афинах сохранялась прочная память о том, что Амис три столетия назад был их колонией (Plut. Luc. 19,7; App. Mithr. 83).

Итак, можно считать твердо установленным, что Нимфей входил в Архэ в период около 436–410 гг. (кстати, эти годы были для него временем расцвета⁶⁵). Другого повода его включения в это объединение кроме понтийской экспедиции Перикла, представить, на наш взгляд, почти невозможно. При этом отнюдь не следует считать, что утверждение афинян в этом пункте должно было повлечь за собой охлаждение отношений с Пантикапеем. Афиняне не аннексировали Нимфей у боспорских царей, а овладели независимым полисом⁶⁶. Не противоречит возможности вхождения в Архэ и факт нимфейской чеканки: известно, что некоторые союзные полисы (из числа незначительных и отдаленных) свою чеканку сохраняли⁶⁷.

Имели ли Афины другие базы в Северо-Восточном Причерноморье? Попытки считать таковыми упоминаемые античными авторами пункты Афинеон (Anopunt. Periopl. 76) и Стратоклию (Plin. NH. VI. 18) не имели под собой достаточного основания⁶⁸. Однако позволим себе высказать еще одно предположение такого рода, вполне созвучное его гипотетичности. Речь идет о городе Торике (Θορικός), нахотившемся в нынешней Геленджикской бухте (Ps.-Scyl. Periopl. 74)⁶⁹.

Название «Торик» не может происходить от обитавшего в этих местах племени торетов. Если бы это было так, мы были бы вправе ожидать название типа «Торетик» (ср. «Киммерик», «Синдика» и т.п.). Более вероятен обратный путь, при котором тореты получили свое название от Торика⁷⁰. С другой стороны, заставляет задуматься сходство названия города с наименованием одного из крупных аттических демонов – Торик (Θορικός)⁷¹.

Город Торик археологически известен еще в архаическую эпоху, в VI – первой половине V в. до н.э. (в середине V в. он был перенесен в другое, пока не открытое место), но не известно, носил ли он уже тогда свое позднейшее название. Не исключено, что изначально город назывался Пагры. Под этим своим вторым именем Торик фигурирует в некоторых источниках (Ag. Periopl. 28)⁷².

Согласно нашей гипотезе, в ходе понтийской экспедиции Перикла город (очевидно, заброшенный или, по меньшей мере, пришедший в упадок) был реколонизован афинянами, возможно, перенесшими его на новое место. Впоследствии город был переименован из Пагр в Торик, что могло быть связано с происхождением большинства колонистов из дема Торик. Некоторое время город носил это новое название, а потом, когда афиняне растворились в среде ранее существовавшего ионийского населения, он вновь стал называться Паграми (как Амис со временем стал из Пирея снова Амисом).

⁶⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 177; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 37.

⁶⁵ Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.–Л., 1959. С. 96; Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962. С. 31.

⁶⁶ Гриневич К.Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 1946. № 2. С. 162; Каллистов. Очерки по истории... С. 207; Худяк. Ук. соч. С. 31; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 72.

⁶⁷ Кгау. Op. cit. P. 276, 279. В.А. Анохин (ук. соч., с. 29) предположил, что Нимфей чеканил монету в краткий период между выходом из Архэ и присоединением к Боспору. Высказанная в свое время В.Д. Блаватским (ук. соч., с. 26) гипотеза о принадлежности раннему Нимфею «аполлонийской» чеканки ныне никем не разделяется.

⁶⁸ Браишинский. К вопросу... С. 152.

⁶⁹ О Торике см. Онайко Н.А. Архаический Торик. М., 1980.

⁷⁰ Ф.В. Шелов-Коведяев в комментарии к периплу Псевдо-Скилака (ВДИ. 1988. № 2. С. 266) считает торетов ветвью керкетов, обитавшей в хинтерланде Торика. Название торетов впервые встречается в IV в. до н.э. в надписях Левкона I (Виноградова. Полис... С. 419).

⁷¹ О деме Торике см. *Mussche H.F. Thorikos during the Last Years of the Sixth Century B.C. // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 211–215.*

⁷² Ср. Онайко. Ук. соч. С. 6.

Главное препятствие выдвинутому выше предположению ставит фонетика. Однако переход ϑ в t в греческом языке возможен по так называемому закону Грассмана, требующему диссимилиации придыханий в двух последовательных слогах (во втором слоге придыхательный остается, в первом переходит в глухой)⁷³. Стоящее во втором слоге название Торика ρ может рассматриваться как придыхательное⁷⁴. В данном случае диссимилиация могла произойти под влиянием ионийского псилосиса⁷⁵, что понятно, если учесть, что ионийцы продолжали жить в Торике и после афинской колонизации и, вероятно, по-прежнему составляли большинство населения.

Если принять выдвинутую выше гипотезу, перед нами вырисовывается впечатляющая картина. Во-первых, два афинских форпоста – Нимфей и Торик – фланкируют Боспор с запада и востока, надежно охраняя интересы Архэ в этом регионе и предостерегая самим своим существованием пантикапейских правителей от возможных недружественных акций. Во-вторых, афиняне держат под своим контролем оба кратких пути через Черное море, причем каждый – с обоих концов (соответственно из Синопы и Нимфея, из Амиса и Торика). Одновременно осуществляется и охрана кратких путей от пиратов. Торик находился как раз на рубежах проживания «разбойничьих» племен Северо-Восточного Понта – зигов, генихов, ахеев. Во всем этом нельзя не увидеть проявление стратегического гения Перикла. Афиняне обосновались в Понте всерьез и надолго.

Что же касается пребывания афинского флота в Ольвии, подробный разбор этого сюжета в работах Ю.Г. Виноградова позволяет нам ограничиться здесь краткой сводкой. Решающим аргументом в пользу вхождения Ольвии в Архэ продолжает оставаться одесский фрагмент монетного декрета Клеарха, опубликованный П.О. Карышковским⁷⁶. Впрочем, уже одного этого памятника было бы вполне достаточно. Он однозначно решает рассматриваемый вопрос положительно. Возражения И.Б. Брашинского по поводу происхождения фрагмента⁷⁷ были убедительно опровергнуты Ю.Г. Виноградовым, показавшим, что палеография опубликованного им декрета в честь Тимесилея (несомненно ольвийского и относящегося к этому же времени) полностью совпадает с палеографией одесского фрагмента⁷⁸. А уж если Ольвия стала членом Афинского морского союза, то это могло произойти только в связи с понтийской экспедицией Перикла.

Разумеется, нет оснований считать, что сложностей, связанных с интерпретацией имеющегося в нашем распоряжении материала, уже не осталось. Некоторые вопросы, поставленные еще И.Б. Брашинским, нельзя считать получившими окончательное и однозначное решение. Насколько велика была необходимость для Афин в канун Пелопонесской войны втягивать в свою орбиту, вплоть до включения в Архэ, города столь отдаленной периферии? Как афиняне намеревались реально осуществлять свою власть над этими новообретенными союзниками (и в связи с этим, сразу ли они были привлечены к выплате фороса⁷⁹)? Какую роль в присоединении, скажем, той же Ольвии к Афинской державе сыграл фактор добровольности и тяготения к Афинам какой-то части граждан (ясно, что не всего гражданского коллектива)? Как могло

⁷³ *Lejeune M. Traité de phonétique grecque. P., 1955². P. 48; Threatte L. The Grammar of Attic Inscriptions. V. 1. B.-N.Y., 1980. P. 449 ff.*

⁷⁴ О придыхательном ρ см. *Lejeune. Op. cit. P. 123; Threatte. Op. cit. P. 25, 456*. Как известно, этой букве свойствен *spiritus asper*, встречается и написание *ph* (*Raubitschek A.E. Dedications from the Athenian Akropolis. Camb. Mass., 1949. P. 341*).

⁷⁵ О псилосисе см. *Buck C.D. The Greek Dialects. Chicago, 1955. P. 53*. О возможности ионийского влияния в подобных случаях см. *Threatte. Op. cit. P. 449*.

⁷⁶ *Карышковский. Ук. соч. О дате декрета см. Kraay. Op. cit. P. 70*.

⁷⁷ *Брашинский. Афины... С. 74 сл.*

⁷⁸ *Виноградов. Синопа... С. 89*.

⁷⁹ Пусть форос, взимавшийся с понтийских городов, был очень невелик. Даже чисто номинальная дань должна была иметь большое символическое значение, маркируя утрату элевтерии, столь дорогой каждому эллинистскому полису.

уживаться членство в Архэ с сохранением ольвийской тирании? (сочетание если и не беспрецедентное, то, во всяком случае, весьма и весьма редкое).

Эти вопросы еще ждут ответа. Но их наличие отнюдь не должно ставить под сомнение сам факт посещения Периклом Ольвии – факт, как мы видели, в дальнейших подтверждениях уже вряд ли нуждающийся.

Интересно, что дополнительную сложность в проблему внес декрет в честь Тимесилея. Из него следует, что изгнанный из Синопы тиран нашел почетное пристанище в Ольвии. Если предположить, что вскоре после этого в Ольвию прибыл афинский флот, ситуация приобретает черты некоторой пикантности. В принципе, нельзя считать совершенно исключенным, что Тимесилей получил почести в северо-понтийском городе еще до своего свержения, но исходя из формулировок декрета такой вариант крайне маловероятен. Мы попытаемся устранить возникшее затруднение чуть ниже.

И еще одной детали необходимо коснуться. Некий понтийский полис, название которого начиналось на О и фигурировало в податных списках Архэ за 425/24 г. с цифрой фороса в один талант, вопреки распространенному мнению, не может быть Ольвией. Достаточно напомнить, что в том же списке за другим городом с названием на Ту (будь то Тира⁸⁰, Тиритака, Тирамба – это не имеет значения: в любом случае имеется в виду пункт меньших размеров, нежели Ольвия) закреплён форос в два таланта. Недавно было высказано предположение, что вместо 'O[λβ(α)] следует читать 'O[ρυάμς] (Оргама – город близ устья Истра)⁸¹. И эта гипотеза действительно выглядит более убедительной, ибо известно, что побережье Западного Понта эскадра Перикла тоже посетила. Именно тогда, судя по всему, в Архэ был включен такой значительный полис этого региона, как Аполлония.

Заключение. О маршруте экспедиции (см. карту). На основании всего выше-изложенного можно попытаться теперь ответить на основной вопрос, поставленный в начале работы. По какому маршруту двигался афинский флот, войдя в Понт?

Исследователи, признающие посещение Периклом Северного Причерноморья, априори принимают движение эскадры вдоль понтийских берегов, так сказать, против часовой стрелки (Синопа и Амис – краткий путь – Боспор Киммерийский – Ольвия – Левый Понт)⁸². Причина такого допущения вполне понятна, коль скоро точкой отсчета служат Синопа, которая только и упоминается в нарративной традиции в связи с экспедицией.

Однако, на наш взгляд, гипотеза о противоположном направлении маршрута экспедиции (по часовой стрелке) несравненно лучше позволяет разрешить ряд имеющихся сложностей и противоречий⁸³. Перечислим основные преимущества именно такого взгляда на проблему. Мы уже видели, что основной целью экспедиции было укрепление афинского контроля над хлебной торговлей с Северным Причерноморьем. А в таком случае логично предположить, что афинский флот сразу туда и направился. Причем направился каботажем, вдоль западного побережья Понта: в противном случае пришлось бы воспользоваться кратким путем, а это – при том, что афинская талассократия еще не распространялась на Черное море, – было небезопасно.

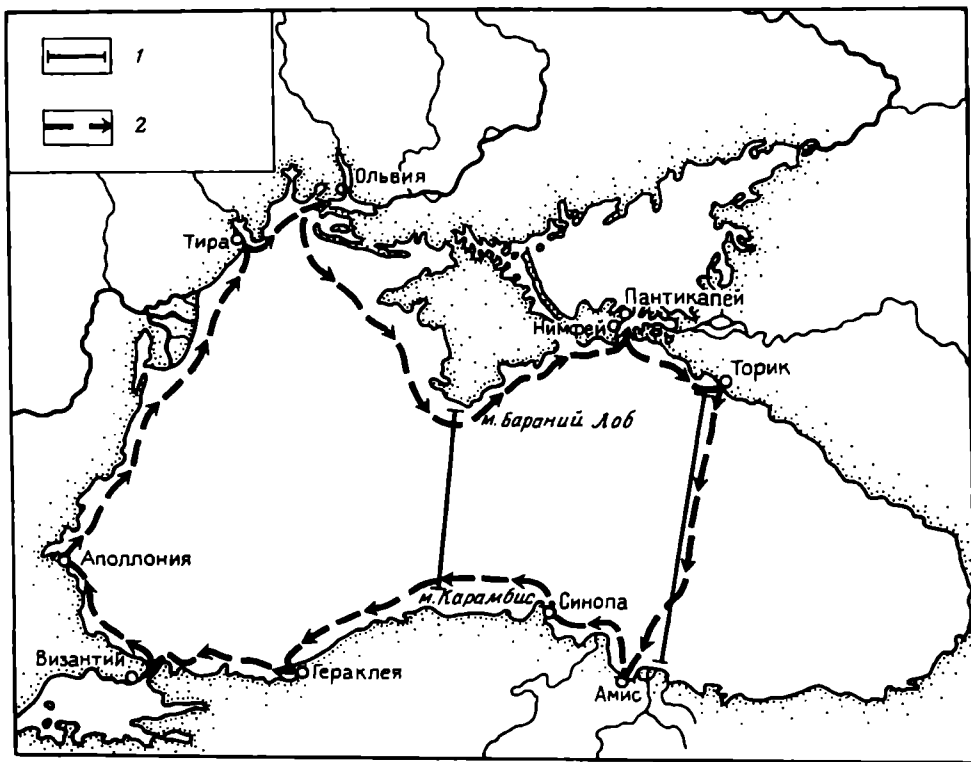
Предлагаемая гипотеза о маршруте позволяют внести ясность в трактовку синопского инцидента и решить вопросы, оставленные нами без ответа по ходу работы. Прежде всего, изгнанный Тимесилей вполне мог бежать в Ольвию, не страшась за свое будущее, поскольку знал, что Перикл в Ольвии уже был и больше туда не

⁸⁰ Т.Л. Самойлова (Тира в VI–I вв. до н.э. Киев, 1988. С. 93) именно на этом основании сомневается в членстве Тира в Архэ, считая цифру фороса для нее завышенной.

⁸¹ Avram A. Les cités grecques de la côte Ouest du Pont-Euxin // Introduction to an Inventory of Polis. Copenhagen, 1996. P. 296.

⁸² Виноградов. Западное и Северное Причерноморье... С. 380; *он же*. Политическая история... С. 131–133.

⁸³ Уже в процессе работы над настоящей статьей нам стало известно, что к этому же выводу пришел и Ю.Г. Виноградов.

Карта. 1 – краткие пути через Понт Эвксинский; 2 – гипотетический маршрут Понтийской экспедиции Перикла

вернется. Далее, вряд ли Перикл оставил бы в Синопе одного из своих военачальников с людьми и судами в самом начале экспедиции, ослабляя свои основные силы в преддверии похода на север, который вполне мог оказаться нелегким. С другой стороны, на завершающем этапе плавания, когда афинский флот уже возвращался на родину и особых трудностей впереди не предвиделось, некоторое распыление сил вполне могло быть допущено. Наконец, напомним, что к моменту падения Тимесилея Перикл был уже в Афинах. Такое положение дел тоже возможно в том случае, если Синопа была одним из последних пунктов, посещенных эскадрой.

Попытаемся в двух словах очертить гипотетический маршрут понтийской экспедиции Перикла, как он предстает на основании вышесказанного. Итак, целями экспедиции были: установление афинского контроля над торговыми путями в Понте, обеспечение их относительной безопасности от пиратов, демонстрация военно-морской мощи афинян перед жителями этого региона, установление выгодных для Афин отношений с новыми боспорскими династиями (но отнюдь не вовлечение в Архе черноморских городов или сбор с них фороса⁸⁴). Эскадра, пройдя Кианси, двинулась вдоль западного берега Понта. Западнопонтийские полисы, возможно, включались в число афинских союзников (с достаточной долей уверенности это можно утверждать лишь об Аполлонии), но инициатива, насколько можно судить, исходила именно с их стороны. Следуя этим маршрутом, Перикл прибыл в Ольвию, где развернулись события, реконструированные и подробно описанные Ю.Г. Виноградовым.

⁸⁴ Виноградов. Политическая история... С. 132. Иначе считает Т.В. Блаватская (Западнопонтийские города... С. 67).

Наконец афинский флот оказался на Боспоре, где все стоявшие перед ним задачи были успешно выполнены. Перикл заручился гарантиями дружественных отношений со Спартокидами, основал на подступах к Боспору афинские форпосты. Возможно, в период пребывания экспедиции в Северном Причерноморье был закуплен и отряд скифов для полицейской службы⁸⁵. От юго-восточных рубежей Боспора Перикл направился кратким путем на юг Причерноморья, к Фемискире и Амису. В последнем была создана афинская колония; если буквально понимать несколько испорченный текст Страбона (XII. 547), город был отобран у какого-то каппадокийского князька. И только после этого пришло время известного синопского инцидента; им Перикл как бы поставил точку в установлении афинского контроля над краткими путями через Понт. **Наконец, из Синопы эскадра через Гераклею возвратилась к Кианеям и далее в Афины.**

Подводя итог, следует подчеркнуть, что понтийская экспедиция Перикла – одно из крупных военно-политических мероприятий Афин эпохи Пентеконтаэтии, незаслуженно забытая или недооцениваемая яркая страница истории классической Греции. Многие ее перипетии и по сей день обречены оставаться в тени – в значительной мере потому, что об этой акции, прекрасно вписывающейся в общий контекст афинской внешней политики этих лет, умолчал Фукидид⁸⁶.

И.Е. Суриков

HISTORICO-GEOGRAPHICAL PROBLEMS OF PERICLES' PONTIC EXPEDITION

I.Ye. Surikov

Pericles' Pontic expedition which took place almost undoubtedly ca. 437–436 B.C., can be best comprehended in the general context of Athens' trade policies of mid Vth century. After a failure to consolidate their grip on Egyptian and West Mediterranean grain markets, Athenians decided to gain a foothold in the North Pontic area to make it their principal granary. Some developments of the early 430s (participation of Byzantium in the Samian revolt, a coup in Panticapaeum) should be also taken into account. The purposes of the expedition included the establishment of Athenian control over the new trade routes in the Black Sea, ensuring their relative security against piracy, the demonstration of Athens' military might to the inhabitants of the area, the ascertainment of favourable relations with the rulers of Bosphorus Kingdom. It was a major action led by Pericles himself.

In the course of expedition the Athenian fleet made a round of the Black Sea and not only founded Athenian settlements in Sinope and Amisus but also included a number of North and West Pontic cities

⁸⁵ *Duncker*. Op. cit. S. 545. Андокид (III.5) датирует приобретение скифов 440-ми годами, но в крайне путаном и почти невозможном для понимания контексте.

⁸⁶ Отметим еще две работы, имеющие отношение к рассматриваемой проблематике и оказавшиеся нам доступными уже после завершения данной статьи: *Mattingly H.B. Athens and the Black Sea in the Fifth Century B.C. // Sur les traces des Argonautes*. P., 1996. P. 151–157; *Молев Е.А. Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э.* Нижний Новгород, 1997. Г. Маттингли, исходя из своего скептицизма в отношении сообщения Плутарха отрицает связь изгнания Тимесилея из Синопы с экспедицией Перикла, а также существование в V в. до н.э. афинских поселений в Синопе, Амисе и Астаке. Столь радикальный пересмотр устоявшейся в историографии системы взглядов требует, как нам кажется, гораздо более развернутой и убедительной аргументации, нежели та, которую дает Маттингли. Характерно, что последнего шага (просто отвергнуть факт экспедиции Перикла) ученый не делает, хотя такой шаг логически вытекает из его построений. Целый ряд положений книги Е.А. Молева заслуживает специального разбора. Здесь мы позволим себе сделать лишь два кратких замечания. Слабость аргумента *e silentio* (с. 51, 56–57) – Перикл не посетил Боспор, коль скоро об этом не сообщает Плутарх – уже отмечалась нами в начале статьи. Интересная трактовка Е.А. Молевым свидетельств источников о Гилоне (с. 63–65) несколько теряет в убедительности из-за присутствия в ней ряда недоказуемых допущений.

(e.g. Olbia and Apollonia) into the Athenian Empire. Pericles visited the area of the Cimmerian Bosphorus and obtained guarantees of stable relations with the Spartocids. To secure them from possible unfriendliness, Athenian outposts were established on the approaches to Panticapaeum (in Nymphaeum and, possibly, in Toricus). As a result of the Pontic expedition Athenians obtained control over both short routes across the Black Sea (Carambis – Criou Metopon and Themiscira – Sindice), each from both ends.

As regards the route of the voyage, Pericles most likely moved round the sea clockwise: along the Western Pontic coast to Olbia, then to the Cimmerian Bosphorus, further by a short route to Amisus and Sinope, and finally back to the Aegean.

© 1999 г.

ГЕРАКЛЕЯ ПОНТИЙСКАЯ И ВИФИНИЯ В РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД: ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Герacleя Понтийская, один из наиболее крупных полисов побережья Понта Евксинского, на всем протяжении своей истории поддерживала тесные и разнообразные контакты с соседними варварскими племенами, неоднородными по этническому составу, степени социальной и политической организации, восприимчивости к влиянию эллинской цивилизации. Источниковая база по истории Герacleи, в значительной мере основывающаяся на местной полисной традиции¹, наиболее полно документирует взаимоотношения герacleотов с мариандинами, исключительно важные для выявления специфики положения зависимого азиатского населения, эксплуатируемого греческими колонистами². В силу этого обстоятельства мариандинская тематика нередко заслоняет и оттесняет на задний план вопросы о связях Герacleи с окружением «второго эшелона» – вифинскими племенами. Проблемы этого круга еще не

* Статья написана в рамках проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного РФФИ, код проекта № 96-06-80053.

¹ Произведения герacleйских историков – Проматида, Нимфида, Мемнона – неоднократно были предметом конкретно-исторического и источниковедческого анализа. См., например: *Laquer R.* Lokalchronik (Lokalchronik von Herakleia) // RE. Bd XIII. Hlbd 25. 1926. Sp. 1098–1103; *Desideri P.* Studi di storiografia eracleota. I. Promatis e Nymphis // SCO. 1967. V. 16. P. 366–416; *idem.* Studi di storiografia eracleota. II. La guerra con Antiocho il Grande // SCO. 1970–1971. V. 19–20. P. 487–537; *Janke M.* Historische Untersuchungen zu Memnon von Herakleia. Kap. 18–40. FGtH 434. Würzburg, 1963; *Дзагурова В.П.* Мемнон. О Герacleе. Введение. Комментарий // ВДИ. 1951. № 1. С. 283–316; *Габелко О.Л.* Мемнон об истории Вифинского царства // Античный вестник. Вып. 2. Омск, 1995. С. 108–115. При всем разнообразии рассматриваемых вопросов и различии подходов к ним исследователи практически едины во мнении о высокой достоверности трудов герacleйских авторов в тех фрагментах, где речь идет об истории их города. Этого достоинства произведений историков-герacleотов не может умалить даже их несомненная пристрастность при освещении многих событий из прошлого родного полиса.

² Из обширной литературы о происхождении, территории расселения и правовом статусе мариандинов можно назвать прежде всего следующие работы: *Kämmel O.* Heracleotica. Beiträge zur älteren Geschichte der Griechischen Kolonisation im Nördlichen Klein-Asien. Plauen, 1869; *Ruge W.* Mariandynoi // RE. Bd XIV. 1930. Sp. 1747 ff.; *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike. II. Die Mariandynen // Forschungen an der Nordküste Kleinasien / Hrsg. von F.K. Dörmer. Bd 1. Herakleia Pontike. Forschungen zur Geschichte und Topographie. Wien, 1972. S. 17–23; *Avram A.* Bemerkungen zu den Mariandynen von Herakleia am Pontos // SC. 1984. V. 22. S. 19–29; *Сапрыкин С.Ю.* Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи: Герacleя и мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 9–22; *Фролов Э.Д.* Герacleйские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // Там же. С. 22–33.